

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606

Научная статья

«Правый поворот» в Турции в европейском контексте

В.А. Аватков¹, А.С. Рыженков²

¹Институт мировой экономики и международных отношений РАН;
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации;
Государственный академический университет гуманитарных наук

²Центр востоковедных исследований, международных отношений
и публичной дипломатии

Research article

“Right Turn” in Turkey in the European Context

V.A. Avatkov¹, A.S. Ryzenkov²

¹Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
State Academic University of Humanities

²Center for Oriental Studies, International Relations and Public Diplomacy

Второе десятилетие XXI в. часто характеризуется как время нового подъема правых националистических и правых популистских партий по всему миру. Появление крупных правых фракций в парламентах Европы заставляет специалистов говорить о феномене «правого поворота». Одновременно с этим в Турции, стране, объединяющей в себе как европейские, так и восточные политические и цивилизационные черты, наблюдаются внешне схожие процессы.

В рамках статьи авторы разбирают причины успеха правых партий в Европе и основные предпосылки, обеспечившие им популярность. В первую очередь, такой успех связывается с внутренним структурным кризисом Евросоюза, толчком к осознанию которого широкими массами стал миграционный кризис 2015 г. Далее рассматриваются итоги парламентских выборов 2018 г. в Турции, в результате которых большую часть мест в Национальном собрании получили партии правого или правоцентристского идеологического спектра. Прослеживается история и место национализма в политической системе страны, а также рассматриваются причины, заставившие турецкие политические элиты обратиться к националистической идеологии на современном этапе.

Авторы приходят к выводам, что, несмотря на внешнюю схожесть наблюдаемых политических процессов, а также на буквальное совпадение некоторых исходных причин, обусловивших правый подъем в Европе и в Турции, рассматривать успехи правых партий в Турецкой Республике и Евросоюзе как явления одного глобального процесса нельзя, поскольку эндогенные их факторы различны.

Ключевые слова: Турция, Евросоюз, правые, национализм, «правый поворот», Р.Т. Эрдоган, Партия справедливости и развития, Д. Бахчели, Партия националистического движения, выборы

Для цитирования: Аватков В.А., Рыженков А.С. «Правый поворот» в Турции в европейском контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 597—606. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606

© Аватков В.А., Рыженков А.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The second decade of the 21st century is often described as the time of a new rise of right nationalist and right populist parties all over the world. The rising presence of big right factions in European parliaments makes experts talk about a “right turn” phenomenon. At the same time Turkey, a country that unites in itself both European and Middle Eastern political and civilizational specifics, is witnessing an apparently similar process to occur.

The authors of the article analyze the reasons of right parties’ success in Europe and conditions that provide popularity for the right wing. Primarily, this success has been associated with an inner structural crisis of the European Union, which was acknowledged by the general public following the 2015 migration crisis. The authors mostly focus on the 2018 parliament elections in Turkey, which gave the majority of seats to right and center-right parties. They also survey the history and the place of nationalism in the country’s political system, and investigate the reasons making the Turkish political elites to turn to the nationalistic ideology at present.

The authors conclude that in spite of a formal similarity in the observed political processes and the literal congruence of some of the reasons that have determined the right rise in Europe and Turkey, we shouldn’t consider the right wing’s successes in the Republic of Turkey and in the European Union to be the parts of the same global process, as their endogenous causes differ.

Key words: Turkey, European Union, right wing, nationalism, right turn, R.T. Erdogan, Justice and Development Party, D. Bahçeli, Nationalist Movement Party

For citation: Avatkov, V.A. & Ryzhenkov, A.S. (2019). “Right Turn” in Turkey in the European Context. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 597—606. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-597-606

После развала СССР система международных отношений находится в поисках нового баланса, международно-политическая среда характеризуется резкими колебаниями, налицо — радикализация целого ряда процессов. Наиболее важным представляется рост национализма в различных его формах и правого популизма при укреплении религиозного или консервативного сознания. Идеинный фактор в системе международных отношений расширяет свое поле реализации, в том числе и в рамках попыток интеграции мало совместимых национализма и консервативного сознания. В этом контексте интересен пример Турции, которая, будучи евразийской державой, сочетает в себе и европейское, и азиатское изменения указанных процессов.

Турецкая Республика на протяжении многих лет стремится к вступлению в Европейский союз и, несмотря на усиление консерватизма и национализма в стране, не отказывается от этой идеи по сей день. В этой связи интересен тот факт, что Анкара оказывается — вольно или невольно — вовлеченной в политические процессы в Азии, но при этом и в европейские тенденции, где налицо «правый поворот». Результаты последних парламентских выборов в Турции показали резкое поправление политического спектра. Страна, привычно описываемая как «зажатая» между Востоком и Западом, в этот раз пошла по общеевропейскому пути.

Подъем правых партий в Европе

Представляется верным говорить отдельно о подъеме правых партий в Старой, или Западной, Европе и Европе Восточной. Самыми заметными

и влиятельными из «староевропейских» правопопулистских партий являются «Австрийская партия свободы» (АПС), «Альтернатива для Германии», французское «Национальное объединение» (до 2018 г. «Национальный фронт») и итальянская коалиция из «Движения пяти звезд» и «Лиги» (до 2017 г. «Лига Севера»).

Несмотря на то что общая идеология этих партий схожа, в их структурах и политических платформах присутствуют и определенные различия. Самыми старыми считаются «Национальное объединение», основанное в 1972 г., и «Австрийская партия свободы», созданная в 1956 г. Обе партии изначально были довольно крепко связаны с нацистскими идеологиями середины XX в.: во главе «Национального объединения», прежде называвшегося «Народным фронтом», с момента основания до 2011 г. стоял Жан-Марин Ле Пен, политик, известный своими резкими правыми взглядами и высказываниями, АПС же при своем создании была напрямую связана с австрофашизмом, во времена Третьего рейха ее учредители были партийными функционерами НСДАП [Швейцер 2018: 106]. В XXI в. обе партии ожидало преобразование и отход от открытого пропагандирования правых идей. Сменившая отца Марин Ле Пен взяла курс на «дедемонизацию» организации¹. Вставший в 2005 г. во главе АПС Хайнц-Кристиан Штрахе стал уделять больше внимания,

¹ См.: Бунин И. Из второго тура в маргиналы. Останется ли Марин Ле Пен влиятельным политиком // Московский Центр Карнеги. 10.10.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/73333> (дата обращения: 01.12.2018).

в первую очередь, сохранению традиционных европейских и австрийских ценностей, критике глобализации [Швейцер 2018: 109—110].

На руку обеим партиям, как и всем правым партиям в Европе, пришелся миграционный кризис, когда правые не побоялись открыто выразить страх своих сограждан перед нашествием представителей иной культуры. В результате «Национальный фронт» по итогам парламентских выборов 2017 г. стал четвертой по популярности партией во Франции, в том же году Марин Ле Пен вышла во второй тур президентских выборов, где проиграла Эммануэлю Макрону. Норберт Хофер, кандидат на пост президента страны от АПС, в 2017 г. во втором туре уступил только 6% голосов кандидату от «Зеленых», вокруг которого объединились почти все представители австрийского истеблишмента. Соперникам «Народного фронта» и АПС даже пришлось прибегнуть к правой и антииммигрантской риторике ради голосов избирателей: во Франции, впрочем, ее использовали в свое время еще Жак Ширак и Николя Саркози [Гришель 2015: 46—47]. В свою очередь, канцлер Австрии Себастьян Курц перенял у АПС лозунги «Австрия превыше всего» и «Свести миграцию до нуля»².

«Альтернативу для Германии» и итальянскую коалицию «Движение пяти звезд» — «Лига» можно назвать «новыми» партиями, которые к тому же выступают с твердых евроскептических позиций. «Альтернатива для Германии» выросла из общественно-политического движения «Альтернативный выбор — 2013», объединявшего критиков правительственного курса по спасению единой европейской валюты и оказанию финансовой помощи южноевропейским странам, находившимся в эпицентре долгового кризиса [Степанов 2013: 229]. «Пять звезд» были основаны итальянским комиком Бeppe Грилло как объединение единомышленников, выступающих против старых местных элит и евробюрократов, а также за выход Италии из зоны объединенной валюты, которая не дает ей правильно развиваться [Маслова 2017: 148—155]. «Лига» же выступала со схожих позиций, но уделяла больше внимания североитальянскому регионализму.

² См.: Добров Д. Правый сдвиг в Австрии // ИноСМИ.ру. 16.10.2017. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171016/240526961.html> (дата обращения: 04.12.2018).

«Альтернатива для Германии» пользуется заметной популярностью среди представителей рабочего класса со средним образованием, недоверчиво относящихся к прежним элитам, испытывающим неудовольствие от размывания системы традиционных ценностей [Степанов 2013: 234—235], фактически обладающих чертами, которые раньше были присущи классическому стороннику социал-демократов³. Как и «старые» партии, «новые» в определенный момент своей истории пережили заметный перелом собственной идеологии. У «Альтернативы» это произошло в марте 2015 г., когда вместе с переменами в руководстве случился переход к более правому курсу, обозначаемый внешними наблюдателями как исламофобский, антииммигрантский и антиамериканский [Степанов 2013: 232]. Но на парламентских выборах 2017 г. «Альтернатива для Германии» получила 12,6% голосов, став третьей по численности партией Бундестага. Главой «Лиги» в 2014 г. стал Маттео Сальвини, и с регионалистских позиций она перешла на правую антииммигрантскую риторику и популистские позиции, а ее лидер стал в глазах европейской прессы лицом, которое толкает страну в новый фашизм⁴. По итогам выборов 2018 г. именно «Движение пяти звезд» и «Лига» сформировали в Италии новое правительство.

Что касается «новой» Европы, то есть стран, прежде входивших в восточный блок, то две страны, которые более всего беспокоят мировое сообщество своими правыми и евроскептическими взглядами, — это Польша и Венгрия.

Правый подъем в Венгрии ассоциируется с партией ФИДЕС и ее лидером Виктором Орбаном. На парламентских выборах 2018 г. 20% голосов смогла набрать ультраправая партия Йоббик, которая оказывает значительное влияние на парламентские инициативы ФИДЕС, получившей, в свою очередь, 44,87% голосов [Найгебавер 2018: 190]. Опытный политик Виктор Орбан в по-

³ Карцев Д. Третья фолькспартай. Почему «Альтернатива для Германии» — это надолго // Московский Центр Карнеги. 17.05.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/76183> (дата обращения: 03.12.2018).

⁴ Stille A. How Matteo Salvini Pulled Italy to the Far Right // *The Guardian*. August 9, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/aug/09/how-matteo-salvini-pulled-italy-to-the-far-right> (accessed: 16.12.2018).

следнее время перешел на правые и евроскептические позиции [Лукьянов 2017: 12—13]. Восемь лет правления ФИДЕС — это период постоянного экономического роста страны, сокращения госдолга и аккуратной работы с бизнесом [Лукьянов 2017: 34—38]. В глазах граждан успех начал ассоциироваться с деятельностью правых.

В Польше в 2015 г. к власти в результате президентских и парламентских выборов пришла партия «Право и справедливость» и ее лидер Анджей Дуда, хотя «серым кардиналом» при нем выступает известный польский политик Ярослав Качиньский. «Право и справедливость» получила 37,58% голосов, что дало ей абсолютное большинство в парламенте и позволило сформировать однопартийное правительство. Дуда и представляемая им партия занимают популистскую и «мягкую» евроскептическую позицию, выступая за усиление национальной идентичности и отказ от статуса государства категории «Б» в единой Европе [Майорова 2016: 165]. Философия партии отвечает интересам в большинстве своем консервативного, находящегося под большим влиянием католической церкви польского народа. Одиозно выглядят поддерживаемые правительством шестидесятитысячные марши под лозунгами *white supremacy* [Charnysh 2017], антимигрантские и антисемитские заявления представителей правящей партии [Charnysh 2017] и фактическое нарушение основополагающего для Евросоюза принципа разделения властей, перешедшего в кризис конституционного суда [Мрозек, Следзиньска-Симон 2017: 64—67].

Во многом приход к власти правых в Венгрии и Польше — это результат разочарования населения в политике ЕС в отношении восточноевропейских государств и насаждения либеральных взглядов.

Фактически подъем националистически-популистских движений в Европе есть следствие смыслового и структурного кризиса Евросоюза. Элиты «старых» европейских стран считают, что им приходится за счет передачи собственных экономических и трудовых ресурсов поддерживать малые или «новые» европейские страны, а те, в свою очередь, недовольны тем, что Брюссель отодвигает их на второй план, лишает собственной субъектности, подчиняя ее интересам всего сообщества. Запрос на изменения в Евросоюзе,

исходящий от избирателей, находит отклик только у прежде маргинальных или заново созданных партий, имеющих более широкое поле для маневра, чем прежние партии власти. Одновременно с этим национальная идентичность оказывается сильнее идентичности общеевропейской, которая навязывается излишне стремительно даже для считающихся прогрессивными западных обществ, что вызывает понятную обратную реакцию. Триггером же стал миграционный кризис 2015 г.

Особенности турецкого национализма

Происходящие в Турции процессы частично схожи с европейскими тенденциями и вписываются в общемировую тренд по усилению в политической среде идей, ценностей, национализма и консервативного сознания [Аватков, Каширина 2017: 5—15]. Переход от прозападного курса к более самостоятельной политике осуществляется через усиление консерватизма и национализма, которые находят в турецком политическом сознании возможность для сосуществования, а иногда и симбиоза. Особую роль в укреплении указанных тенденций сыграли сохраняющееся имперское сознание [Дружиловский 2005: 48—61], имеющаяся идейная борьба в стране [Надеин-Раевский 2016: 22—31], поиск нового идейного обоснования внешнеполитического курса страны [Аватков 2014: 71—78], а также развал СССР, в результате которого возникли родственные тюркские государства, в отношении которых Анкара сразу же стала применять все возможные инструменты воздействия [Малышева 2017: 46—58].

В Турции в результате выборов лета 2018 г. с результатом в 42,6% голосов в парламент прошла правящая консервативная Партия справедливости и развития, 22,6% получила оппозиционная социал-демократическая Народно-республиканская партия (НРП), 11,7% — партия меньшинств Демократическая партия народов (ДПН), 11,1% — правая Партия националистического движения (ПНД), 10% — правоцентристская Хорошая партия (ХП). Фактически 1/5 часть голосов получили правые партии — ПНД и Хорошая партия. Следует также упомянуть, что Хорошая партия в 2017 г. выделилась из ПНД, исторически глав-

ной ультранационалистической и пантюркистской партии страны [Внешнеполитический курс... 2015: 29—30].

Правящая Партия справедливости и развития, лидером которой является действующий президент страны Реджеп Тайип Эрдоган, с 2014—2015 г. также стала менять свой внутривнутриполитический дискурс с исламского на националистически-популистский⁵. При этом интересно, что до этого страна проводила курс на евроинтеграцию, выполняя Копенгагенские критерии ЕС, и активно выстраивала отношения с ближневосточными странами в рамках идеологии «неосоманизма» и программы «Ноль проблем с соседями» [Дружиловский, Аватков 2013: 73—88]. Но прежде чем ответить на вопрос о предпосылках правого поворота в Турции, следует разобраться с тем, что же представляет собой турецкий вариант национализма.

Следует отметить, что в турецком политическом дискурсе никаких негативных коннотаций у этого термина нет. Наоборот, национализм является одной из шести «стрел» М.К. Ататюрка, шести сакральных принципов, к которым до сих пор в символическом плане активно обращается турецкое общество. В изначальном своем понимании турецкий национализм был идеологией «нации в границах Турецкой Республики» (а не тюркской этнической нации, как это было у пантюркистов). Кемалистский национализм отвергал исламистский и панисламистский дискурс, присущий младотуркам. Нация понималась М. Кемалем как совокупность всех граждан, а не только этнических тюрков, но на основе турецкого этнического самосознания» [Ягудин 2015: 258].

В современной турецкой системе координат понятие национализма во многом смешивается с понятием патриотизма, что интересным образом совпадает с исламистской трактовкой национализма как синонима патриотизма, любви к родине [Левин 1988: 3—9]. Это сближение заставляет задуматься о том, почему данная идеология в своем светском турецком варианте со временем демонстрирует сближение с ее исламистским

пониманием, связано ли это со все растущим исламским присутствием в политическом пространстве страны или же, наоборот, — с имманентной для Турции включенностью в общественный дискурс исламских представлений, которые в дальнейшем перемалывают под себя уже и изначально светские концепции.

Так или иначе, наряду с национализмом в Турции представлен и ультранационализм, сторонники которого традиционно объединяются вокруг Партии националистического движения, а сейчас и отколовшейся от нее Хорошей партии. Идеология этих партий сейчас может показаться умеренно националистически-кемалистской, однако исторически она плотно связана с идеями пантюркизма/пантуранизма, фактически и с идеями превосходства турецкой расы, в 1930-е гг. активно поддерживаемыми Нихалем Атсызом и Реха Огузом Тюркканом, фактически интеллектуальными отцами основателя ПНД Альпарслана Тюркеша [Ertekin 2009: 345—387].

Причины и специфика правого националистического подъема в Турции

Следует оговорить те причины, которые заставили современную турецкую власть и турецкий общественный дискурс совершить «правый поворот». Ярче всего перемена курса заметна в изменении отношения к курдскому меньшинству в Турции, составляющему около 19% населения страны⁶. Если в 2000-х гг. правительство Р.Т. Эрдогана впервые в истории Турецкой Республики стало предпринимать попытки интегрировать курдов в государственную систему, признать их существование, было разрешено телевидение на диалекте курманджи курдского языка, поддержано создание Демократической партии народов, первой по-настоящему мощной прокурдской партии в легальном политическом поле Турции, то с середины 2010-х гг. начинаются гонения на курдских политиков: лидер партии Селяхаттин Демирташ попадает в тюрьму, снова начинаются столкновения между турецкими силовыми структурами и Рабочей партией Курдистана (РПК).

⁵ См.: Kadercan B. The Year of the Gray Wolf: The Rise of Turkey's New Ultrationalism // War on the Rocks. July 16, 2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/07/the-year-of-the-gray-wolf-the-rise-of-turkeys-new-ultrationalism/> (accessed: 17.12.2018).

⁶ Turkey // CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/tu.html> (accessed: 04.04.2019).

Во многом это было обусловлено войной в соседней Сирии, где курдская Партия демократического единства, турецкими властями называемая всего лишь ответвлением террористической, с их точки зрения, РПК, контролирует обширные территории на севере Сирии [Алиева 2018: 799]. Фактически где-то с середины сирийского конфликта проблема курдской автономии у турецкой границы становится самым важным вопросом конфликта для Турции. Педалирование темы турецкого национализма фактически оказывается противоядием против идеи курдского национального государства. Именно на противостоянии курдам сейчас сосредоточены интеллектуальные и политические усилия турецких правых.

Появление еще одной курдской автономии у границ Турции, к тому же построенной на идеях А. Оджалана, пугает турецких националистов, оказывается для них «вопросом выживания нации» (тур. *beka*), поскольку первоочередной задачей является сохранение целостности государства, главной угрозой которой оказывается курдский сепаратизм. Именно этот вопрос, наряду с тяжелым экономическим положением Турции, пока отвлекает внимание турецких националистов от активной работы с зарубежными тюрками, которая активно проводилась в 1990-х и 2000-х гг.

Усиление националистического дискурса в турецком обществе также совпало с военными операциями «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь», проведенными ВС Турции в Сирии. Армия является краеугольным камнем в построении турецкой национальной идентичности. *Her türk asker doğar* (рус. Каждый турок рождается солдатом) — фраза, которой часто описывают себя турки. Именно так они выделяют себя среди других национальностей. Поэтому во время вышеупомянутых операций как у политических элит, так и у обычных граждан резко обострилось восприятие себя как турок, что привело к упомянутым выше неожиданным успехам националистических партий на выборах в парламент.

Также важно отметить, что в 2016—2017 гг. в речах Реджепа Тайипа Эрдогана начали встречаться и «атаки» на Европейский союз. Вступление в Евросоюз в начале XXI в. было одним из главных приоритетов правительства Партии справедливости и развития. Однако Брюссель, хотя Турция преимущественно выполняла Ко-

пенгагенские критерии, не горел желанием содействовать стране на этом пути, не предоставляя ей, например, дорожную карту с перечислением необходимых шагов для вступления в объединение. И хотя на протяжении первого десятилетия XXI в. показатель одобрения населением вступления страны в ЕС постепенно снижался, ключевой перелом произошел после протестов в стамбульском парке Гези в 2013 г., которые Р.Т. Эрдоган воспринял как инспирированную извне попытку поменять турецкий политический строй.

Протесты были быстро и жестоко подавлены, что вызвало понятное возмущение в Европе и Америке. Следующее обострение произошло после попытки военного переворота 2016 г., когда, пользуясь чрезвычайным положением, правительство Р.Т. Эрдогана ослабило оппозиционную прессу в стране, а многие журналисты, в том числе обладавшие двойным гражданством, были помещены под стражу. Ответ со стороны Евросоюза последовал быстро: Нидерланды и Германия запретили проводить на территории своих стран митинги, посвященные референдуму 2017 г. по изменению турецкой конституции, что вызывало возмущение Р.Т. Эрдогана. В 2018 г. он все больше критиковал Евросоюз, в том числе из-за европейской позиции по курдскому вопросу, и даже собирался объявить референдум по вопросу, стоит ли стране вообще пытаться вступить в ЕС⁷. Таким образом, в случае Турции происходит критический пересмотр отношения к европейским интеграционным процессам.

Для того чтобы открыть еще одну причину правого подъема в Турции, следует погрузиться в электоральную аналитику последних турецких выборов. Самым интересным их итогом стал результат Партии националистического движения Девлета Бахчели. Перед выборами партия прошла через внутренний раскол, от нее отделилась вышеупомянутая Хорошая партия, которая сразу перешла в оппозицию и забрала с собой больше половины избирателей ПНД на прошлых выборах⁸.

⁷ Cumhurbaşkanı Erdoğan AB mesajı: 81 milyona gideriz // Milliyet. 04.10.2018. URL: <http://www.milliyet.com.tr/cumhurbaskani-erdogan-dan-onemli-siyaset-2754452/> (accessed: 13.03.2019).

⁸ См.: Haziran 2018 Seçim Analizi ve Oy Geçişleri // Çilek ağacı. URL: <http://cilekagaci.com/2018/06/30/haziran-2018-secim-analizi-ve-oy-gecisleri/> (accessed: 17.12.2018).

ПНД вступила в неоднозначный с точки зрения ее избирателей альянс с ПСР, не проводила активной агитации — всего три митинга (Самсун, Адана и Анкара — за исключением столицы, эти города сложно обозначить как ключевые), хотя для Турции привычна ситуация, когда партийный лидер объезжает практически всю страну. Даже партийная программа ПНД не обновлялась с 2009 г., хотя обычно партии выпускают новые редакции программ перед каждыми выборами. Из-за этого многие поспешили списать партию со счетов и увериться в том, что в парламент она пройдет только благодаря альянсу с ПСР. Это мнение подтверждалось также опросами общественного мнения, большая часть которых указывала на то, что ПНД не наберет 10% на выборах [Yegen, Aydin 2018: 1258—1259]. Однако, к удивлению практически всех экспертов, партия смогла набрать 11,1% голосов избирателей, что позволило бы ей пройти в парламент и в одиночку — в Турции для этого необходимо 10% голосов.

ПНД неожиданно для большинства наблюдателей оказалась самой влиятельной и успешной партией этого электорального цикла. Иностранные наблюдатели даже определяют Д. Бахчели как *kingmaker*'а, человека, который обеспечил Р.Т. Эрдогану успех на этих выборах⁹. Действительно, именно поддержка Р.Т. Эрдогана со стороны ПНД на президентских выборах 2018 г. и невыдвижение на них кандидатуры Д. Бахчели, скорее всего, позволили действующему президенту Турции одержать победу уже в первом туре, поскольку 52,6% нельзя считать значительным перевесом. Только благодаря коалиции с ПНД Партия справедливости и развития сейчас может иметь абсолютное большинство в парламенте. Из других представленных в высшем законодательном органе Турции политических объединений никто правящую партию поддерживать не будет.

Главной причиной, по которой партия Д. Бахчели вновь стала столь популярной, стал поворот Реджепа Тайипа Эрдогана к ультранационалистическому дискурсу в 2015 г. Этот дискурс

⁹ См.: Kingmaker brings ultra-nationalism to Erdogan's Islamist mix // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/bb04bb2e-7b91-11e8-bc55-50daf11b720d> (accessed: 17.12.2018).

помог Р.Т. Эрдогану извлечь дивиденды в краткосрочной и среднесрочной перспективе: он принес ПСР победу на осенних перевыборах 2015 г. и помогал консолидировать общество вокруг президента в связи с сирийским конфликтом. Однако удержать националистические призывы в приемлемых для международного сообщества рамках довольно сложно, со временем толпа начинает хотеть большего, а большее им способны дать только профильные партии, то есть ПНД.

Представители ПНД могут позволить себе более резкие высказывания в адрес курдов: ультранационалисты выступают за разрешение курдского вопроса исключительно силовым путем, для них не является запретным высказывать мнение народа по поводу сирийских беженцев¹⁰, и это мнение преимущественно негативное [Özdemir 2017: 123]. Это приводит к росту популярности националистических лозунгов и заставляет задуматься о сходствах между ситуацией в Европе и в Турции, хотя туркам пришлось принять несравнимо больше людей из Сирии — 3,6 млн¹¹.

Таким образом, заметный переход избирателей от ПСР к ПНД¹² может трактоваться либо как радикализация взглядов прежнего электората Р.Т. Эрдогана, либо как вариант в известной степени протестного голосования, когда избиратели отдают свои голоса партнеру ПСР по коалиции, чтобы выразить свое несогласие с политикой прежде поддерживаемой ими партии.

Заключение

Основные причины правого националистического подъема в Турции оказываются связаны, в первую очередь, с сирийским конфликтом и риторикой Реджепа Тайипа Эрдогана, нацеленной на консолидацию населения вокруг сильного

¹⁰ См.: Bahçeli'den 'Suriyelilere vatandaşlık' tepkisi // Posta. July 16, 2018. URL: <https://www.posta.com.tr/bahceliden-suriyelilere-vatandaslik-tepkisi-351780> (accessed: 17.12.2018).

¹¹ Данные Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (дата обращения: 12.03.2019).

¹² См.: Haziran 2018 Seçim Analizi ve Oy Geçişleri // Çilek ağacı. 30.06.2018. URL: <http://cilekagaci.com/2018/06/30/haziran-2018-secim-analizi-ve-oy-gecisleri/> (accessed: 17.12.2018).

авторитарного лидера во времена политической нестабильности. Во многом его настоящая позиция сложилась под воздействием политической конъюнктуры; прежняя идеологическая платформа Партии справедливости и развития, выражавшаяся в политике неоосманства и концепции «Ноль проблем с соседями», была заметно трансформирована президентом Турции, если не изменена полностью по содержанию, при сохранении внешней символики и титулатуры. Однако новая повестка попала на уже готовую воспринять ее базу (национализм всегда занимал особое место в турецком идеологическом поле) и в самое подходящее время — военные операции Турции в Сирии заставили турок сильнее почувствовать себя турками.

Разочарование в идее интеграции в Евросоюз произошло во многом из-за осознания турками нежелания европейцев видеть их частью объединения. Это не критика основ, на которых базируется ЕС, не требование его перестройки в соответствии с новыми установками, как то происходит внутри самого союза. Острые же высказывания Р.Т. Эрдогана в адрес Брюсселя и других европейских держав в 2016—2017 гг. — это мероприятия, нацеленные на повышение собственной популярности внутри страны.

Миграционный кризис тоже повлиял на настроения турецкого общества, однако ни одна из внутривнутриполитических сил, даже ПНД, не способна разыгрывать этот «козырь» так, как это делается в Европе по целому ряду причин.

Прежде всего, это первый для современной турецкой нации опыт проживания на одной территории с крупным нетурецким исламским сообществом

(курды остаются за скобками, поскольку им долго отказывали в отличной от турецкой идентичности). Опыт проживания с «чужим» дает лучшее представление о себе, а турки признают сирийцев именно чужими, объединения на основе исламской или османской идеи не происходит [Рыженков 2017: 90—91]. В дальнейшем подобный опыт может повлиять на поведение турецких политиков на международной арене и сместить фокус их концентрации на иные, по их мнению, более цивилизационно близкие сообщества.

Таким образом, Турция оказывается вовлеченной в общемировые и европейские тенденции в рамках «правого поворота», но причины успеха националистических идей среди турок отличны от европейских и базируются большей частью на внутренней и ближневосточной повестке. Важно отметить, что в отличие от Европы в Турции не отмечается появление несистемных партий и политиков, которые и осуществляют этот «правый поворот», он происходит внутри самой системы.

Для России «правый поворот» Турции, с одной стороны, демонстрирует ее отход от сугубо прозападной политики и переход на туркоцентризм, с другой — представляет опасность с точки зрения роста религиозного сознания, потенциального усиления пантюркистских идей, которые затрагивают и поле российских интересов. Очевидно, что «поправление» политического процесса в Турецкой Республике является закономерным этапом ее развития, однако несет много рисков с точки зрения мирового и регионального политического баланса.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Аватков В.А. Неоосманство. Базовая идеология и геостратегия Турции // *Свободная мысль*. 2014. № 3. С. 71—78.
- Аватков В.А., Каширина Т.В. Тенденции развития современных международных отношений // *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2017. № 11 (334). С. 5—15.
- Алиева А.И. «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 4. С. 790—805. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805
- Внешинополитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 — лето 2015 г.)* / под ред. В.А. Аваткова. М.: ООО «Паблиц», 2015.
- Гришель А.М. Национальный фронт и проблема иммиграции во Франции // *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2015. № 15 (1). С. 44—51.

- Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6. С. 48—61.
- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции (2002—2012 гг.) // Научно-аналитический журнал *Обозреватель* — *Observer*. 2013. № 6 (281). С. 73—88.
- Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1988.
- Лукьянов Ф.Е. Виктор Орбан: от ультралиберализма к евроскептицизму. Эволюция политического лидера // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3 С. 12—39.
- Майорова О.Н. Правый поворот в Польше. Президентские и парламентские выборы 2015 г. // Славянский Альманах. 2016. № 1—2. С. 147—163.
- Мальшева Д.Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3 (36). С. 46—58.
- Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 1. С. 141—157.
- Мрозек А., Следзиньска-Симон А. Легитимность конституционных судов и принцип верховенства права: сравнительный взгляд на польский конституционный кризис // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1. С. 64—79.
- Надеин-Раевский В.А. Идеинная борьба и «новая Турция» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2 (47). С. 22—31.
- Найгебавер Н.С. Конструирование этноцентризма в деятельности политической партии Йоббик (Венгрия) // Общество и этнополитика. Материалы Девятой и Десятой Международной научно-практической интернет-конференции / под науч. ред. Л.В. Савинова. М.: РАНХиГС, Сиб. ин-т упр., 2018. С. 186—191.
- Рыженков А.С. Сирийские мигранты в современной Турции: особенности сообщества и его социокультурной адаптации // Сборник статей Международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова / под ред. В.А. Аваткова. М., 2017. С. 87—93.
- Степанов Г.В. «Альтернатива для Германии» — альтернатива для разочаровавшихся избирателей? // Материалы международного научного семинара «Консервативные, социальные и либеральные тенденции в партийно-политическом развитии Германии и России: История и современность». Череповец, 2013. С. 229—235.
- Швейцер В.Я. Австрийская партия свободы: путь во власть // Современная Европа. 2018. № 2. С. 105—114.
- Ягудин Б.М. Кемализм и формирование политико-идеологических основ «Третьей республики» в Турции // Нации и национализм на мусульманском востоке. М.: ИВ РАН, 2015. С. 257—264.
- Charnysh V. The Rise of Poland's Far Right // *Foreign Affairs*. December 18, 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/poland/2017-12-18/rise-polands-far-right> (accessed: 12.12.2018).
- Ertekin O. Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları // *Modern Türkiye'de Siyasi Düşence*. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul, 2009. P. 345—387.
- Özdemir E. Suriyeli Mültecilerin Türkiye'deki Algıları // *Savunma Bilimleri Dergisi*. 2017. C. 16. № 1. S. 116—136. DOI: 10.17134/khosbd.405253
- Yegen C., Aydın B.O. Kamuoyu Oluşumu Ve Seçimler: 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanlığı Seçimi Ve 27. Dönem Milletvekili Genel Seçimi Üzerine Bir Ağ Analizi // *Gümüşhane Üniversitesi İletişim Fakültesi Elektronik Dergisi*. 2018. № 2. P. 1248—1276. DOI: 10.19145/e-gifder.429113

References

- Alieva, A.I. (2018). “Syrian Issue” in Turkish—US Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 790—805. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805 (In Russian).
- Avatkov, V.A. & Kashirina, T.V. (2017). International Relations' Trends. *Scientific-analytical journal “Обозреватель—Observer”*, 11 (334), 5—15. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (2014). Neoosmanism. Basic Ideology and Geostrategy of the Contemporary Turkey. *Svobodnaya mysl'*, 3, 71—78. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (Eds.). (2015). *Foreign-Policy Discourse of Leading Turkish Political Actors (2010 — summer 2015)*. Moscow: Pablis publ. (In Russian).
- Charnysh, V. (2017). The Rise of Poland's Far Right. *Foreign Affairs*, December 18. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/poland/2017-12-18/rise-polands-far-right> (accessed: 12.12.2018).
- Druzhilovskiy, S.B. & Avatkov, V.A. (2013). Turkish Foreign Policy Ideologems: 2002—2012. *Scientific-analytical journal “Обозреватель—Observer”*, 6 (281), 73—88. (In Russian).
- Druzhilovskiy, S.B. (2005). Turkey: Habit to Rule. *Russia in Global Politics*, 3, 6, 48—61. (In Russian).
- Ertekin, O. (2009). Cumhuriyet Döneminde Türkçülüğün Çatallanan Yolları. *Modern Türkiye'de Siyasi Düşence*. Cilt 4. Milliyetçilik. İstanbul. P. 345—387. (In Turkish).
- Grishel, A.M. (2015). National Rally and Immigration Problem in France. *Scientific works of Republican Institute of High School*, 15 (1), 44—51. (In Russian).

- Levin, Z.I. (1988). *Islam and a Nationalism in Middle Eastern Countries*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Lukyanov, F.E. (2017). Viktor Orban: from Ultraliberalism to Euroscepticism. Evolution of Political Leader. *Europe's Contemporary Issues*, 3, 12—39. (In Russian).
- Malysheva, D.B. (2017). Central Asian States in International Relations with Turkey and Iran. *Russia and New Eurasian States*, 3 (36), 46—58. (In Russian).
- Maslova, E.A. (2017). Euroscepticism and Populism in Italy: Five Star Movement's case. *Global Transformations' Outlines: Politics, Economics, Law*, 10 (1), 141—157. (In Russian).
- Mayorova, O.N. (2016). The Right Turn in Poland. Presidential and Parliamentary Elections in 2015. *Slavic Almanac*, 1—2, 147—163. (In Russian).
- Mrozek, A. & Sledzinska-Simon, A. (2017). On the Legitimacy of Constitutional Courts and the Rule of Law in a Comparative View on the Polish Constitutional Crisis. *The Comparative Constitutional Review*, 1, 64—79. (In Russian).
- Nadein-Raevskiy, V.A. (2016). The Struggle of Ideas and “The New Turkey”. *Vestnik MGIMO University*, 2 (47), 22—31. (In Russian).
- Neigebaver, N.S. (2018). Designing of ethnocentrism in hungarian Jobbik party activities. In: Savinova, L.V. (Eds). *Society and Ethnopolitics*. Materials of 9th and 10th International academic and research Internet conference. Moscow: RANEPА publ. P. 186—191. (In Russian).
- Özdemir, E. (2017). Suriyeli Mültecilerin Türkiye'deki Algıları. *Savunma Bilimleri Dergisi*, 16 (1), 116—136. DOI: 10.17134/khosbd.405253 (In Turkish).
- Ryzhenkov, A.S. (2017). Syrian Immigrants in Modern Turkey: Specifics of the Community and its Sociocultural Adaptation. In: Avatkov, V.A. (Eds). *Works of the first International Competition of Students' Scientific and Analytical Papers on the Middle East named after E.M. Primakov*. Moscow. P. 87—93. (in Russian).
- Shweizer, V.Y. (2018). Freedom Party of Austria: Way to Power. *Contemporary Europe*, 2, 105—114. (In Russian).
- Stepanov, G.W. (2013). “Alternative for Germany” — Alternative for Disappointed Voters? In: *Conservative, social and liberal trends in political evolution of Germany and Russia: The Past and the Present*. International academic seminar's materials. Cherepovets. P. 229—235. (In Russian).
- Yagudin, B.M. (2015). Kemalism and Shaping of the Political and Ideological Basis of the “Third Republic” in Turkey. In: *Nations and Nationalism in the Muslim East*. Moscow: IV RAN publ. P. 257—264. (In Russian).
- Yegen, C. & Aydın, B.O. (2018). Kamuoyu Oluşumu Ve Seçimler: 24 Haziran 2018 Cumhurbaşkanı Seçimi Ve 27. Dönem Milletvekili Genel Seçimi Üzerine Bir Ağ Analizi. *Gümüşhane Üniversitesi İletişim Fakültesi Elektronik Dergisi*, 2, 1248—1276. DOI: 10.19145/e-gifder.429113 (In Turkish).

Сведения об авторах: *Аватков Владимир Алексеевич* — кандидат политических наук; старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН; доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации; профессор кафедры прикладной политологии Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: vladimir.avatkov@gmail.com).

Рыженков Андрей Сергеевич — младший научный сотрудник Центра востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии.

About the authors: *Avatkov Vladimir Alekseevich* — PhD in Politics; Senior Scientific Associate, Center for Post-Soviet Studies, National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Science; Associate Professor, the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Professor, Department of Applied Political Science, State Academic University of Humanities (e-mail: vladimir.avatkov@gmail.com).

Ryzhenkov Andrej Sergeevich — Junior Researcher, Center of Oriental Studies, International Relations and Public Diplomacy.